

Убить Марко Поло / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Убить Марко Поло / рассказ УБИТЬ МАРКО ПОЛО

Особенности охоты в Кыргызстане... Два иностранца воспользовались услугами фирмы, гарантировавшей им отстрел горного барана вида Марко Поло. Но легко ли убить Марко Поло?.. В рассказе из одноименного сборника много смешного и грустного. Это – жизнь...

На окраине курортного местечка Чолпон-Ата, на берегу азиатского озера Иссык-Куль стоит удивительный памятник: узкобёдрая арка, вознесённая на полсотни метров к прохладному чистому небу, опирается высокими, чуть расставленными ногами в каменистую строгую землю, сплошь залитую зеленью яблоневых садов. За синей аркой, роскошно украшенной золотой арабской вязью и скульптурными фигурами львов, орлов и египетских фараонов, белеет добротный особнячок, в котором проживает со своими чадами и домочадцами сторож сооружения, посвящённого памяти овечьего пастуха Куджумшукура. Этот Куджумшукур покинул наш круг в середине прошлого века, оставив по себе память в сердцах немногих. Среди этих немногих был внук покойного, по имени Кубатбек. Прошли годы, пришло время великой советской державе последовать за овечьим пастухом и погрузиться в воды забвенья. В увлекательной суматохе гласности и перестройки Кубатбек стремительно разбогател и, как водится в таких случаях, был объявлен в розыск; разыскивают его по сей день. А Кубатбек, ничуть не тяготясь создавшимся положением, поставил любимому деду памятник и в десяти минутах от него основал конный завод, куда и приезжает дважды в год на соревнования по гандикапу, коего является большим любителем и знатоком. Там, на соревнованиях, я его и видел нынешней осенью; вполне приятный и обаятельный человек.

А с Диком Джонсом я познакомился у подножья памятной арки.

Подъехав туда почти одновременно, мы вышли из машин, дивясь и любясь роскошным сооружением на диковатом иссык-кульском берегу. Дика особенно потрясли фараоны – щедро позолоченные, в каких-то перьях и змеях, кругло и пристально глядевшие на заозёрные горы Кунгей-Алатоо.

– Хорошие фараоны, – сказал я, и Дик согласно кивнул головой.
– Кажется, они сейчас возьмут и всё тут захватят.

– Да, – сказал Дик. – Я такого ещё никогда не видал.

А повидал он немало. Малым ребёнком приехав в Америку из России лет тридцать тому назад, с первой волной эмиграции, он легко и с удовольствием освоился в новом мире, успешно торговал антиквариатом и, благодаря усилиям родителей, бывших школьных учителей, сохранил русский язык в пристойном объёме. Прекрасной целью его жизни было объехать все дикие места, оставшиеся ещё на нашей земле. Он фотографировался с африканскими людоедами, продирался сквозь волглые тропические заросли острова Борнео и пил шампанское на Северном полюсе. Он не был авантюристом, он был одержимым. Торгуя он не фальшивыми яйцами Фаберже, а подержанными автомобильными крышками, он отыскал бы другое увлечение, не столь дорогостоящее: например, собирал бы акульки зубы и медвежьи когти. Но в любом случае предмет его увлечения хоть косвенно, хоть как был бы связан с риском для жизни и ночным захватывающим страхом.

В Центральную Азию, на Иссык-Куль его привела твёрдая уверенность в том, что в этих заповедных краях мало что изменилось со стародавних времён и что по Великому Шёлковому Пути нет-нет да идут верблюжьи караваны: бренчат колокольчики, разбойники с большой дороги засыпают порох на полки своих инкрустированных перламутром карамультуков... Пятнадцать минут спустя после нашего знакомства мы уже стали приятелями. Я с сердечным почтением выслушал рассказ Дика о его прямоточной страсти и, в свою очередь, рассказал своему новому знакомому о том, что я журналист и приехал в эти края собирать материал для моей израильской газеты. Таким окольным образом

выяснилось, что оба мы родом из России – и мы с новым интересом принялись друг к другу, как пара Полканов или Трезоров. Номера нам были заказаны в единственной здесь приличной гостинице «Снежный барс», и путешествие по берегу озера мы, ради приятного разговора, продолжили в одной машине.

– Что это здесь написано? – указывая на рекламный щит у придорожного шалмана, спросил Дик. Его способность к чтению заметно уступала разговорным возможностям.

– «У Мойши», – прочитал я. – «Еда как дома. Первое, второе и компот».

– Гм, – сказал Дик. – Не совсем азиатское название.. И почему не на местном языке?

– На местном я бы не сумел вам это прочесть, – сказал я. – Тут полно русских, включая евреев. А чабаны коренной национальности кочуют себе по горам и ни в чём себе не отказывают.

– Гм, – снова сказал Дик. – Вы уверены?

– Почти да, – сказал я. – Кстати, наши с вами предки в далёкие времена тоже кочевали со своими козлами и баранами по холмам Иудеи и Самарии. Или не так?

– Ну, как вам сказать... – уклонился от прямого ответа Дик. – Вы же догадываетесь, что фамилия моего отца далеко не Джонс и даже не Иванов. Но зато я – Дик Джонс, и это главное!.. «У Мойши». Это ж надо только придумать!

– Да вы не расстраивайтесь, – искренне посоветовал я. – Возможно, это всего лишь трюк, и за прилавком этой забегаловки стоит натуральный киргиз или русак. А что? Вполне возможный вариант.

– Да не в том дело, – удручённо заметил Дик. – Просто прежде, чем сюда ехать, я выучил местные названия. Это же настоящая прелесть, музыка! Вот послушайте: Тянь-Шань, Иссык-Куль, Хан-

Тенгри, Кара-Кол, Джеты-Огуз. Хочется сесть в седло, охотиться, сплавиться по горным рекам... А тут – на тебе: «У Мойши».

Глядя на удручённого Дика, я понял, что меня ждут интересные дни.

Гостиница «Снежный барс» стояла на берегу озера, у кромки мрачной тихой воды.

– Между прочим, – оглядывая холл с деревянной регистрационной стойкой, сказал Дик, – снежный барс внесён в Красную книгу. Охота на него запрещена.

– Между прочим, – сказал я, – мне уже дважды предлагали шкуру снежного барса – убитого, заметьте, барса! – за двести долларов. И это до коммерческих переговоров.

– Да? – сказал Дик. – Надо обдумать это предложение.

Узкоглазая смешливая девочка за стойкой приняла наши паспорта и выдала нам по регистрационному бланку. Трудно сказать, что служило причиной её смешливости: лёгкое утреннее настроение или незамутнённая молодая душа; но смотреть на неё было приятно. Заперев паспорта в жестяной коробке, девочка рассыпала по полированной стойке перед нами с полдюжины бумажных листков, на которых были напечатаны предложения приятных услуг, предоставляемых гостиницей: бассейн, тренажёры, сауна, массаж по-иссык-кульски. На последнем листке значилось: «Охотничьи услуги с выездом». И нарисован почему-то крокодил, свернувшийся в кольцо, с раззявленной пастью. Увидев крокодила, Дик сделал стойку.

– Что там написано? – спросил Дик, придвигая охотничье объявление.

– Можно пострелять, – сказал я. – Значит, так... Кеклики, долина Кзыл-Таш, река Сары-Су.

Дик стал серьёзен и торжественен, как будто услышал первые

аккорды «Девятой симфонии» Людвига Ван Бетховена. Музыка азиатских названий сильно на него действовала.

– Что это – кеклики? – спросил Дик.

– Птички такие, – сказал я. – Вроде воробьёв. Они тут едят: «15 долларов штука», плюс два дня поездки в эту самую долину. Дороговато получается.

– Читайте дальше, – сдержанно попросил Дик.

– Улар, – прочитал я. – 126 долларов. Отроги нарынского Тянь-Шаня. Перевал Тюя-Ашу. – И добавил, не дожидаясь вопроса: – Улар – это горная индейка.

– Дальше, – сказал Дик.

– Кабан, – продолжал я, – 1341 доллар. Выезд на четыре дня, собаки. Ну, как – интересно?

– Очень, – сказал Дик. – А где этот кабан?

– Терскей-Алатоо, урочище Алтын-Арча, – прочитал я. – Тут целый преysкурant, не то что как в каком-то там «Мак-Доналдсе»: гамбургер, чизбургер и всё... Пошли дальше. Дикобраз, 675 долларов. Ущелье Су-Уксай. Без собак, с фонарём... При чём тут фонарь?

– Ночная охота с фонарём, – процедил сквозь зубы Дик. – Это все понимают.

– Раз так, хорошо, – не стал я спорить. – Волк горный. Урочище Каинды. 894 доллара. Выделка шкуры по договорённости. Чучело головы по спецзаказу.

– А собаки? – спросил Дик.

– Про собак тут не написано, – сказал я. – Но дадут, наверно, если попросить получше.

– Хорошо... – сказал Дик. – Давайте дальше.

– Марко Поло, – прочитал я. – 9837 долларов. Подножье Хан-Тенгри. Экспедиция. Егерь, собаки, лошади.

– Как это – Марко Поло? – вздёрнув брови и глядя поверх узких очёчков в золотой оправе, спросил Дик. – Вы, что, шутите?

– И не думаю, – сказал я. – Во всяком случае, это не птица, иначе зачем тогда собаки.

– Значит, вы не знаете, – глухо и вместе с тем жёстко сказал Дик. – Но там же написано, вы говорите, «экспедиция». А это значит, что дело серьёзное. И егерь.

– Ну, можно написать «две экспедиции» и «четыре егеря», – позволил я себе усомниться. Но Дик меня не слушал.

– Милая девушка! – обратился Дик к смешливой регистраторше. – Вот тут написано «Марко Поло». Это кто?

Старательно шевеля губами, девушка углубилась в чтение, а потом принялась смеяться и хохотать, как будто прочитанное развеселило её сверх всякой меры. Отсмеявшись и немного успокоившись, она благосклонно взглянула на Дика и сказала:

– Это мы не знаем.

– Ну как же так, – укорил Дик. – Это ведь ваш отель, вы здесь работаете, на вашем рабочем месте лежит важный документ – а вы ничего не знаете. Кто же знает?

Тогда девушка потянулась к телефонной трубке, набрала номер и заговорила с кем-то на родном киргизском языке.

– Сейчас она узнает, – сказал я Дику. – В конце концов, она это в школе не проходила... Вот тут телефон этой охотничьей конторы, давайте запишем и позвоним.

Тем временем к стойке подошёл от нечего делать пожилой лифтер в национальном колпаке и плечистый охранник, русский человек.

– Я охотник, – не тратя слов попусту, представился Дик. –

Марко Поло – это кто?

– Козёл это, – дал справку лифтёр.

– Сам ты козёл! – решительно опроверг охранник. – Не козёл, а баран. Дикий.

– Крупный? – с надеждой спросил Дик. – Большой?

– 0-го! – обнадёжил знающий охранник. – С ишака будет, это точно.

– Я приглашаю вас на охоту, – сказал мне Дик. – Пошли звонить!

К подножью Хан-Тенгри назначено было лететь с местного аэродрома – кочковатого поля, на окраине которого торчал бетонный барак. В бараке сидел милиционер в форменной фуражке и вдумчивыми глотками пил зелёный чай из синей с красными розами пиалушки. Самолёты прилетали сюда редко, по крайней необходимости.

Организаторы и участники охотничьей экспедиции договорились встретиться на аэродроме в девять утра – не слишком рано, не слишком поздно. Солнце скользило в небесах, жара не докучала. Озеро лениво лоснилось, белели снежные вершины горного хребта. День обещал быть приятным и свежим.

Первым к месту сбора прибыл хозяин коммерческого предприятия «Золотая мишень» г-н Конурбаев. В одной руке он держал свёрнутую в трубу карту района Хан-Тенгри, в другой – тульскую двустволку двенадцатого калибра. До назначенной встречи оставалось ещё четверть часа, и г-н Конурбаев отправился к милиционеру пить чай. Спустя считанные минуты появился сопровождающий молодой человек в походном снаряжении, по имени Руслан. Оружия не было при этом Руслане, зато на его плечах тяжело сидел дорожный мешок с продолговатыми накладными карманами, из которых выглядывали бутылочные головки. Сопровождающий, в силу своего незначительного служебного положения, не присоединился к чаепитию в бараке, а остался

снаружи, привольно развалившись в траве под шелковичным деревом. Без пяти девять и мы с Диком вылезли из гостиничного микроавтобуса, который подрулил прямо к бараку. По бетонным ступеням крыльца нам навстречу спустился г-н Конурбаев с картой и ружьём.

– Самолёт уже на подлёте, – сказал г-н Конурбаев. – Егерь сейчас подтянется – и удачной охоты!

Но самолёт почему-то всё не прилетал, и егерь не подтягивался. Оглядев чистое пространство, г-н Конурбаев вздохнул и вернулся в барак, пить чай с милиционером.

Надо сказать, что этот мой приезд в Центральную Азию – не первый: я здесь бывал и прежде. Мне нравится этот неброский остров посреди мира, населённый людьми, исполненными внутреннего достоинства, гостеприимными и склонными пошутить при всяком подходящем случае. Мне нравится их созерцательное отношение к жизни и смерти, их родственная привязанность к камням и деревьям отчей земли. Есть в этом нечто фундаментальное, вечное – в том, разумеется, понимании, в каком нам доступна категория «вечность»; тут спору нет... Это как раз то, что мне хотелось бы видеть в людях моего народа, чего только не нахватавшегося, не набравшегося за две тысячи лет чужбины.

Случайно сойдясь с Диком Джонсом у подножья дикой арки, расставившей ноги, как будто она собралась помочиться, я почувствовал желание открыть этому человеку моего, всё же, рода-племени красоту и прелесть здешних людей и мест. Охота на Марко Поло, у подножья Хан-Тенгри, в совсем уже диких краях, вполне соответствовала этому моему намерению. От практического его осуществления нас отделяло появление егеря и полчаса полёта на «кукурузнике», тряском, как телега.

Егерь явился пешим ходом, одновременно с самолётом – зелёным бипланом «АН-2», рассчитанным на двенадцать пассажиров. Одежда егеря была подобрана кое-как: из-под клеёнчатого драного

плаща, когда-то жёлтого, торчали холщовые портки, заправленные в сбитые кирзовые сапоги. На голове сидела по-своему элегантная в своей бесформенности шапка-ушанка, когда-то коричневая, битая многолетними дождями и ветрами. Дублёное лицо под шапкой имело багровый оттенок, голубые глаза на нём светились снисхождением к людям и любовью к окружающей природе. Поперёк носа, пониже переносицы, белел глубокий неровный шрам; такие появляются обычно после удара надколотой бутылкой. Нетрудно было догадаться, что перед нами беспредельно пьющий человек.

– Будем здоровы! – сказал егерь, подойдя, и освобождённо скинул с плеча наземь рыболовный бредень, намотанный на палку.
– Фу, чёрт... Дядя Жора я.

– Будем, будем, – откликнулся из-под дерева сопровождающий Руслан. – Сперва опохмелимся, а потом уже будем здоровы... Чего опаздываешь-то?

– Это не я, – нашёлся дядя Жора и улыбнулся совершенно беззаботно, – это вот он опаздывает. – И указал рукою на заходящий на посадку «АН-2». – Гляди!

Руслан и не подумал пялиться на порхающий над полем «кукурузник». Медленно поднявшись с земли, он, прижимая большой палец к ноздре – сначала к одной, потом к другой – старательно прочистил нос, оборотился к милицейскому бараку и замахал руками. Это означало, что время пришло и можно отправляться в путь. Г-н Конурбаев немедля появился на крыльце с трубой и ружьём. Милиционер тоже вышел проводить охотников.

– Примите подарок от нашей фирмы, – сказал г-н Конурбаев с крыльца, как с трибуны. – Охотничий талисман. – И протянул Диду деревянную коробочку.

Дик был растроган. Открыв коробочку, он обнаружил в ней, в красной бархатной постельке, металлическую скобу с фигурными ушками, величиной с палец.

– Что это? – спросил Дик.

– Наш народный музыкальный инструмент, – сказал г-н Конурбаев.

– А что, – сказал я, – будем играть в свободное время. На фоне Хан-Тенгри... Может, это такой манок для Марко Поло.

– Тут бархат, – сказал Дик. – Вы такого даже в Нью-Йорке не купите.

– Ну, Нью-Йорк! – сказал я. – Мало ли чего там нет... Я видал, как играют на этой штуке: вставляют её в пасть и дёргают за скобку. И во рту возникают музыкальные звуки. Приморские народы дуют в этом случае в большую раковину, а в горах где вы возьмёте море?

– Зачем же тогда егерь принёс невод? – задал резонный вопрос Дик. Вопросы сыпались из него, как горох из мешка.

– Во-первых, это не невод, а бредень, – сказал я. – А, во-вторых, я понятия не имею, что он им собирается ловить и, главное, где: тут Волга нужна как минимум, или лучше Миссисипи.

– А вы видели, что у него с носом, – спросил Дик, – у этого дяди Жоры?

– А то! – сказал я. – Ну, может, упал где-нибудь. С горы.

Самолёт выл, трещал и кашлял, и эта какофония пробуждала в моём сердце героический отзвук: путешествие будет опасным. Нас ждут серьёзные испытания, тяготы и лишения, а Марко Поло окажется сродни тигру или льву и окажет сопротивление. Да и «кукурузник» был похож изнутри не на пассажирский лайнер, а на военное средство для воздушной перевозки спецназа к месту боя и смерти.

С высоты птичьего полёта озеро напоминало растянутую для просушки шкуру, мездрой вверх. Горные цепи окаймляли лоснящуюся воду с севера и с юга, а на востоке светилось

ледяное навершие Хан-Тенгри, подсвеченное высоким солнцем в золотой и алый тона. Самолёт то проваливался в воздушные ямы, то карабкался по отрогам туч. Сопровождающий Руслан, разлёгшись на полу и подложив под голову свой мешок, безмятежно спал, а дядя Жора с кислым видом наблюдал небесную стихию через мутный иллюминатор. По пути к Хан-Тенгри нам предстояло совершить промежуточную посадку и принять на борт второго сопровождающего, местного коновода с практическим опытом.

Мы сели посреди гор, на окраине какого-то кишлака с райским названием Пои-Мурда. Незаглушенный двигатель самолёта кашлял и стрелял. Коновод протиснул в узкую дверцу ящик водки, а затем ввалился и сам.

– Салям-алейкум, Питьке! – приветствовал коновода разбуженный мелодичным звоном бутылок Руслан.

– Здоров, братан! – уложив на ящик винтовку-малопульку, отозвался Питьке и захлопнул за собою овальную дверцу, отделяющую нас от небесного пространства.

Надо сказать, что, судя по славянским чертам лица, Питьке был никакой не Питьке, а, скорее, Витька либо Петька. Его заросшая рыжей щетиной морда и нос пуговкой пришлась бы куда более кстати в какой-нибудь деревеньке на орловщине или тульщине, чем в кишлаке Пои-Мурда. Но неисповедимы пути Господни – как духовные, так и ножные.

– Как его звать-то, а, дядя Жора? – прокричал я, наклонившись к уху нашего егеря: «кукурузник» как раз поскакал на взлёт.

– Да Витька это Ерёмин, – сказал дядя Жора. – А лошадей уже на месте возьмём.

– Он водки вон принёс целый ящик, – сказал я и замолчал, ожидая реакции егеря.

– Ну да! – оживился дядя Жора. – А как же! В горах денег нет,

откуда там деньги. Вот бутылкой и будем платить, и самим тоже надо. Ты не бойся, обратно не потащим!

– А Марко Поло убьём или как? – спросил я с сомнением.

– А как же! – успокоил меня дядя Жора. – Обязательно! И волков наловим.

– Каких волков? – спросил я уже с дурацкой улыбкой. – Как?

– А вот сетью, – объяснил дядя Жора и указал на бредень, валявшийся в хвосте самолёта.

Дик этого разговора не слышал, а то бы порадовался вместе со мной.

Не скажу, что я завзятый охотник, но звериную кровь могу пролить. Да, могу.

Всякой охоте предшествует продуманная тщательная подготовка, а завершает её дружеская пирушка на природе: шипит на огне мясо, и водка, журча, бежит к печени охотников. Люди с сердечной радостью, как в добрые допотопные времена, пожирают убоину, добытую собственными руками. Тут и костёр, и звёздный вечер, и увлекательные лживые рассказы... Исключение составляют лишь профессиональные охотники, которые колотят дичь на продажу: те не пируют и не врут у костра.

Подготовка начинается задолго до часа стрельбы и включает в себя выслеживание, преследование, загон или засаду; всем хватает дела. Сам выстрел занимает считанные секунды: «Бах, трах!» – и кусочек обточенного свинца вонзается в тело зверя и валит его на землю. Или подранивает, и тогда он остаётся инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Или пролетает мимо. В этих двух последних случаях запасливые охотники имеют в своих мешках кое-что про запас: тушёнку, лучок, хлебушек. Не помирать же с голоду посреди леса или гор, если охотничья удача прошла стороной! Наоборот, этот неприятный случай надо отметить как положено и смыть горький осадок. Человек отчего

выпивает? Ну, это давно известно: либо от радости, либо от горя. А третьего не дано.

Наша подготовка пошла своим ходом, когда мы с Диком вышли из дверей гостиницы «Снежный барс» и сели в микроавтобус, чтобы ехать на аэродром. Около полудня мы приземлились в конечной точке – на покато́м лугу, за которым бежала пряткая горная речка. На лугу белела юрта, из дырки в её круглой крыше выползал голубоватый дымок. Тут же стояла у коновязи четвёрка лошадей, внимательно наблюдавших за приземлением нашего самолёта.

Пилот подрулил почти к самой юрте и заглушил мотор. Образовалась приятная тишина, сквозь которую с усилием пробивался звон речных струй. Мы долетели, небо отпустило нас без ущерба и без потерь.

Заслышав тишину, из юрты вышел пожилой киргиз с усами, в парадной лисьей шапке. Придерживая полсть, он пропустил нас в своё войлочное жилище, посреди которого горел невысокий костерок. У стены против входа было сложено в аккуратную стопку полдюжины разноцветных, как леденцы, одеял. Дик жадно озирался по сторонам, ему здесь нравилось.

– Абдильда это, – кивая на хозяина, сказал дядя Жора. – Мужик стоящий: и играет, и поёт.

– На чём играет? – попытался я уточнить: в юрте не видно было ничего, хоть отдалённо напоминающего музыкальный инструмент.

– Да на всём! – сказал дядя Жора. – И поёт.

Витька тем временем втащил, пятясь, ящик водки и установил его близ входа, на кошме. Убедившись, что ящик красиво стоит, он вытянул из ячеек две бутылки и положил их на достархон у костра.

– Можно начинать, – сказал Витька и улыбнулся. – Как говорится, со счастливым прибытием! Стаканы давай, Абдильда,

чего телишься...

Юрта, как выяснилось вскоре, была поставлена здесь специально к нашему приезду: фирма г-на Конурбаева отработывала свои 9837 долларов. Дело теперь было за малым: убить Марко Поло. Ни я, ни Дик не знали, что мы потом с ним сделаем: съедим ли его здесь, в юрте, или устроим пикник на горе Хан-Тенгри. Но и неудача, всё же, не исключалась на корню, выглядывала тайком из-за горных зубцов. Впрочем, с такими ребятами, как дядя Жора, Руслан и небритый Витька шанс на успех был высок. О том же, как видно, думал и Дик своим американским помидором.

– Марко Поло – хороший? – спросил он вдруг у дяди Жоры.

– Обязательно! – рассеянно сказал дядя Жора, следивший за тем, как Витька разливает водку по стаканам. – Вкусный очень. Осенью у него жира на два пальца.

– За всё хорошее! – держа стакан на уровне зубов, сказал Витька. – И, конечно, за нашего дорогого гостя из Америки. – Как зовут Дика, он не знал, поэтому ограничился географическими сведениями.

Охотники пили водку с облегчением. Абдильда высыпал на достархон сваренные в бараньем жиру боорсаки, а Руслан достал из своего мешка кока-колу в жестянках, шоколадные батончики «Марс» и диетическую жевательную резинку без сахара.

– Сейчас бешбармак, а потом отдых, – объявил Абдильда.

– А на охоту завтра? – спросил Дик.

– Завтра экскурсия, – сказал Абдильда. – Тут, говорят, древние люди когда-то жили, интересно же.

– А на охоту когда? – спросил Дик.

– Куда спешить? – удивился Абдильда. – Кушать надо, отдыхать надо!

Дядя Жора прислушивался к разговору вполуха. Подправляя пальцем непослушную вставную челюсть, он старательно жевал диетическую резинку. Шрам на его носу порозовел. На дядю Жору приятно было смотреть: накануне трудной охоты на Марко Поло этот человек был совершенно безмятежен и получал удовольствие от текущей жизни.

– Дядя Жора, – почтительно спросил я, – а что это у тебя с носом? – Такие вопросы вполне уместно задавать за вином, после третьей.

– Микроб укусил, – охотно объяснил дядя Жора и тычком вернул на место выскочившую челюсть.

Я хотел было спросить, как он собирается обходиться на охоте без ружья, но раздумал: недостаточно было выпито.

Часа через три об охотничьей экспедиции не заходило и речи. Говорили, дружелюбно перебивая друг друга, о заоблачных ценах в городских дуканах, о близких и дальних родственниках, о мрачных перспективах на будущее в окрестностях Хан-Тенгри и в Америке, о тающем на глазах поголовье овец, о волках, дерзко появляющихся на улицах кишлаков и о каком-то Соловьёве, застреленном на прошлой неделе в самом центре Москвы, с близкого расстояния. Собрались на постсоветском пространстве, за водкой, бывшие советские люди, и им было не до Марко Поло. Каждый предлагал свой план устройства новой жизни, отличный от других: осушить озеро Иссык-Куль и со дна пускать ракеты на Луну, или продать китайцам тянь-шаньские горы и вырученные деньги поделить поровну между гражданами, или распустить милицию и присоединиться к Соединённым Штатам Америки. Дик тоже внёс предложение: всех горожан переселить сюда, в горы, поближе к природе, и пусть занимаются скотоводством; и тогда, при полной рабочей отдаче, можно будет года через три-четыре догнать Новую Зеландию по производству баранины. Такая перспектива не зажгла выпивающих. Дядя Жора меланхолично клевал перешибленным носом, а Витька, отвернувшись в сторону, громко хихикал. Да и Абдильда с Русланом не видели ничего

путного в рабочем соревновании с неведомой Новой Зеландией и неодобрительно покачивали головами.

– Ты нам лучше про Америку расскажи, – попросил дядя Жора. – Как там, вообще-то? Поят, играют?

Но Дик не склонен был рассказывать про Америку, он пустился в путаный рассказ о своих приключениях в зарослях острова Борнео. Киргизы вежливо слушали Дика, а дядю Жору природа тропического острова с его змеями и крокодилами ничуть не занимала, он, поджав под себя ноги, задумчиво сидел на кошке, мурлыкая что-то себе под нос неожиданно приятным голосом.

За бешбармаком, водкой и лёгкими разговорами хорошо сидится. Время сбрасывает свой раковый панцирь, оно не подразделяется больше ни на минуты, ни на часы и выходит из повиновения железным стрелкам, бессмысленно бредущим по кругу. Вместе со временем возвращается к первоосновному положению и пространство. Америка уже не располагается в пятнадцати часах полёта от Хан-Тенгри, за Атлантическим океаном – она просто далеко, как всякий далёкий предмет: Москва или Луна. Да и Тель-Авив, хоть он и поближе, совершенно не виден; а раз так, то к чему ломать голову над тем, как там обстоят дела с иракскими ракетами – нацелены они на редакцию моей газеты или больше почему-то не нацелены?

Обо всех этих материях, наряду с запуском междупланетного корабля со дна осушенного озера Иссык-Куль, мы согласно толковали за достархоном. Так прошёл первый день охоты на Марко Поло. И сумерки пришли к юрте на своих синих ногах.

На чистом горном воздухе хорошо спится. Ранним хрустальным утром, разлепив глаза, я обнаружил себя лежащим на полу юрты, в красном конверте, сложенном из широкого одеяла, набитого верблюжьей шерстью. По соседству в голубом конверте мирно спал Дик, а дядя Жора лежал с открытыми глазами, под бараньим тулупом.

– Здоровье как? – мутно глядя, спросил дядя Жора. – Сейчас

выпьем по маленькой, позавтракаем – и на экскурсию. А я пойду зайцев наловлю на обед, Абдильда просит.

– Я с тобой! – вызвался я с открытой душой. – И Дик пойдёт.

– Не! – отклонил дядя Жора. – Заяц шума не терпит, к нему подход нужен.

– А как же ты без ружья-то? – задал я уместный вопрос. – На зайца?

– Ничего! – махнул рукой дядя Жора. – Управлюсь как-нибудь.

– Он ружьё своё год уже как пропил, – донёс Витька, вошедший с воли.

– Ну да, пропил! – охотно подтвердил дядя Жора. – А на кой оно мне, это ружьё? В тебя, что ль, в дурака, палить?

– А хоть бы и в меня, – без спора согласился Витька. – Охотник без ружья не бывает, ты у кого хочешь спроси.

Витька был прав. Дядя Жора снова махнул рукой, отвёл глаза и прекратил бесплодный разговор.

– Ну, иди, что ли! – сказал Витька, ухмыляясь во всю свою небритую рожу. – Сеть-то берёшь?

– На кой она мне, эта сеть? – хмуро удивился дядя Жора. И добавил уже совсем ни к селу, ни к городу: – Ветер же!

Но не было никакого ветра. Намотав портянки и натянув сапоги, дядя Жора ушёл ловить зайцев, а мы с Диком потянулись к рукомойнику умываться. Абдильда тем временем сложил наши одеяла, раскинул достархон и притащил казанок с кипящей шурпой. Появилась и бутылка водки по соседству с казанком. Витька, подцепив когтем, содрал с бутылки колпачок.

– Похмелимся и поедем, – сказал Абдильда. – Как спали? Хорошо?

– Куда поедем? На охоту? – с надеждой спросил Дик.

– К древним людям, – твёрдо сказал Абдильда. – По плану.

Отправились втроём – Абдильда и мы с Диком. Витька и Руслан остались, сославшись на подготовку к охоте, к её заключительному этапу. А мы пошли.

Мне нравятся древние люди, эти лохматые ребята с дурными манерами. Я живо представляю себе, как они сидят в своей пещере, вокруг костра, как, укореняя устную литературную традицию, сочиняют лживые рассказы о ловчих, а, возможно, и любовных похождениях и режут песни, размахивая обглоданными мослами оленей и кабанов. Я испытываю к ним родственные чувства и умилённо удивляюсь себе самому. Иногда мне хочется оказаться среди них.

Дику ничего такого не хотелось. У подножья Хан-Тенгри он испытывал лишь одно желание: убить Марко Поло, и как можно скорей. Поэтому заваленная валунами долина, куда привёл нас Абдильда, ничуть его не обрадовала. Разглядывая изображения людей и зверей, нацарапанные на камнях нашими древними родственниками, он явно скучал.

– Я спросил у Абдильды, как зовут мою лошадь, – сказал мне Дик. – И вы знаете, что он мне ответил?

– Ну, что? – не смог я угадать.

– Лошадь! – сказал Дик. – Просто лошадь!

– Да-а... – сказал я. – Зато он вас не обманул, а ведь мог запросто – как хоть с этими рисунками.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Дик. Он не любил, когда его водят за нос.

– Может, их тут понаделали специально к вашему приезду, – сказал я. – Привезли какого-нибудь народного художника с орденом, он и нарисовал.

– Чёрт их возьми! – в сердцах сказал Дик. – Надо спросить у

дяди Жоры, он, мне кажется, честный человек.

Честный дядя Жора появился в долинке под конец осмотра. Охотничьими трофеями он не был обременён, зато тащил за собой на верёвке собачку величиной с сурка.

– Заяц где? – цыкнув слюною сквозь зубы, спросил Абдильда.

– Что я тебе – рожу его, что ли? – отпарировал дядя Жора. – У него четыре ноги, а у меня всего две... – Наш егерь, как видно, хлебнул водочки, настроение у него было безоблачное. Но и Абдильда одним вопросом не ограничился.

– А кошку эту зачем привёл? – хмуро спросил Абдильда, указывая на собачку.

– Это не кошка, – справедливо заметил дядя Жора. – Я её на Марко Поло пушу, она загонять будет.

– Она загонит... – сказал Абдильда и снова сплюнул.

Я с опаской оглянулся на Дика, скептически поглядывавшего на егеря и его дворняжку. Ясно было и слепому, что эта собака в лучшем случае поймает блоху на собственном хвосте.

– Я одно хочу понять, – строгим голосом сказал Дик. – Марко Поло – где? И как мы его возьмём?

– Э, милочка! – оживился дядя Жора. – Ты не сомневайся нисколечко! Тебе за такие бабки Чингисхана на цепи приведут, не то что Марко Поло.

Ответ, однако же, не удовлетворил Дика. Неодобрительно покачав головой, он с неприязнью поглядел на собаку и сунул в рот жевательную резинку из запасов Абдильды.

– А древние люди, – желая разрядить обстановку, спросил я у дяди Жоры, – здесь жили, как думаешь? Или нет?

– Да кто ж их знает, – резонно ответил дядя Жора. – Тут, вообще-то, неплохо: трава, деревья.

Абдильда остался недоволен ответом.

– Они, всё ж, не птицы, – заступился за допотопных обитателей этих мест Абдильда, – чтоб на деревьях сидеть.

С экскурсии возвращались молча, в подмоченном настроении. Посвистывали сурки, стоя торчком у входов в свои норы.

К ужину стало ясно, что питьё водки в юрте, экскурсия, наблюдения за полётом птичьих стай и утренняя прицельная пальба по порожним бутылкам – всё это входит в пакет услуг, обозначенный как «шестидневная охотничья экспедиция», венцом которой явится убийство Марко Поло. Меня такой расклад событий ничуть не тяготил: пусть тёзка великого венецианца попрыгает ещё день-другой по горным крутизнам. Я с лёгкостью души обсуждал с Абдильдой виды на овечий приплод, с Русланом – несомненные преимущества американского доллара перед невиданным покамест на берегах Иссык-Куля евро. Не оставался в стороне от беседы и Витька, его интересы нацеленно распространялись на государство Израиль: почём там недвижимость, почём там рубленый свинец для снаряжения охотничьих патронов. У меня сложилось впечатление, что Витька собирается ехать в еврейскую страну на ПМЖ и присоединиться там то ли к израильскому спецназу, то ли примкнуть к палестинским террористам. В ответ на мой вопрос о семейном положении Витька разъяснил, что отнюдь не женат, но имеет сильное желание создать семью. Есть у него уже и девушка на примете, вдова средних лет по фамилии Коган, с двумя детишками – девочкой и мальчиком. И это чистосердечное разъяснение укрепило меня во мнении, что наша скорая встреча с Витькой где-нибудь под оливами Иудеи или Самарии практически неизбежна. Ну, что ж, будь что будет.

А дядя Жора помалкивал. Накормив свою собачку остатками шурпы, он уселся в юрте, в стороне от костра, и подрёмывал, не прислушиваясь к разговору. Из этого приятного состояния его вывел Руслан.

– Кончай спать-то! – сказал Руслан. – Спой, что ли, что-нибудь, а то люди скучают.

И дядя Жора запел без дополнительных уговоров, обычных в таких случаях – как будто кто-то взял и повернул рычажок, нажал на кнопку, спрятанную на его нескладном теле.

– Здоров ли, князь? – пел дядя Жора, –
Что приуныл ты, гость мой?
Что ты так призадумался?
Аль сети порвались?
Аль ястребы не злы
И слёту птицу не сбивают?
Возьми моих!

– Охотничья песня? – уставившись на дядю Жору с большим изумлением, спросил Дик.

Дядя Жора, продолжая петь, взглянул на Дика укоризненно.

– Это «Князь Игорь», – сказал я, дивясь не менее Дика. – Опера. Ну и ну! А как поёт!

– Он поёт о-го-го, – со знанием дела подтвердил Абдильда. – Хоть в театр отдавай.

– От души поёт, – одобрительно отозвался и Витька – мой будущий согражданин.

– Ни сна, ни отдыха измученной душе, – с оттенком грусти продолжал петь дядя Жора, –
Мне ночь не шлёт отрады и сомненья.
Всё прошлое я вновь переживаю –
Один в тиши ночей.

Князь Игорь вполне убедительно жаловался на жизнь, да и декорация была подходящая: войлочная кибитка, дикий костерок, кони на воле. А об окружении нечего было и говорить: чем Абдильда не Кончак, Руслан – не басурманин? И Витька с своей небритой мордой как нельзя лучше вписывался в разбойную

компанию.

Взмахнув руками, дядя Жора продолжал без перерыва, в другом ритме:

– Бык летит вперёд стремглав, дико рыча.
Взрывая землю, бык несётся,
Опять удар, и вновь забрызган кровью цирк.

– Ну, это «Кармен», – не сводя глаз с солиста, пробормотал Дик. – Это ясно.

– Смелей на бой! А! – заливался дядя Жора, –
Тореадор, смелее, тореадор, тореадор!
Знай, что испанок жгучие глаза
В час борьбы горят живей.

Испанками в нашей юрте и не пахло, а глаза горели неподалёку разве что у волков, которых дядя Жора собирался наловить бреднем. При всём сюрреализме картины под названием «Охота на Марко Поло» – нам тут только Сальвадора Дали на хватало с муравьедом на цепи – оперные арии под тюндюк-жалом, в исполнении дяди Жоры, вписывались в полотно с большим трудом. Состав слушателей тоже не способствовал гармонии восприятия музыкальной классики. Тут более к месту пришлись бы песни попроще, вроде «Я встретил девушку, полумесяцем бровь» или даже «Шумел камыш, деревья гнулись, а ночка тёмная была». Внимательно слушая с поджатыми губами, Дик сделался задумчив. Мне показалось, что плодотворный исход нашей охотничьей экспедиции представляется ему сомнительным: где Марко Поло, где славная пирушка на месте удачного выстрела, где пропитое ружьё заливающегося соловьём егеря! И всё же на месте Дика я, пожалуй, заплатил бы десять тысяч долларов уже за то, что мы вдруг очутились в этом дивном Зазеркалье, у подножья горы Хан-Тенгри. И чёрт с ним, с Марко Поло, пусть живёт дальше. А мы, если повезёт, собьём камнем какого-нибудь заваливающего кеклика за пятнадцать баксов.

Дик, вероятно, думал несколько иначе. Десять тысяч – немалые

деньги, у меня таких нет ни в кармане, ни, тем более, в банке, а расходы высоки. Пеня дяди Жоры Дику было недостаточно. Не успел тот закончить арию Сусанина, как Дик снова взялся за своё:

– А на охоту когда поедем? Давайте завтра с утра! Сядем и поедем! А на обратном пути уже будем отдыхать.

Абдильда не возражал. Он вообще по природе своей был типичным нонконформистом.

Выехали после завтрака, не спеша. Сеял мелкий перламутровый дождик. Лошадки вышагивали вверх по узкому зелёному ущелью, река азартно прыгала нам навстречу с камня на камень. Сгорбившись, как ловчий сокол, Абдильда лениво сидел в глубоком горном седле, следом ехали мы с Диком, а Витька с малокалиберной винтовкой, сунутой стволом под левое колено, и с оттопыренными полосатыми хурджунами замыкал цепочку. Руслан остался сторожить юрту: придёт, неровен час, бедовый человек к подножью Хан-Тенгри и всё украдёт. Мы вернёмся, а тут пусто: ни юрты, ничего. Хорошего мало.

Дядя Жора от лошади отказался, и Абдильда не стал настаивать: дело каждого человека, как передвигаться с места на место. Дурак в Москву пешком пойдёт, а умный и до ветра поедет верхом. Дядя Жора смотрел на вещи иначе: лучше на своих двоих, чем на четырёх чужих, тем более никто точно не знает, что лошади может придти в башку. Вот он и поспевал за нами, наш певчий егерь, пешим ходом, за ним трусила давешняя собачка, а бредень для ловли волков был оставлен в юрте, под бдительным присмотром сторожевого Руслана. Так мы продвигались вперёд, вперёд и вверх – туда, где, не ожидая встречи с нами, привольно пасся Марко Поло.

Трижды мы останавливались на отдых, и Витька выуживал из своих хурджунов дорожную снедь, мало чем отличавшуюся от стационарной: лепёшки, холодное мясо, опущенное застывшим жиром. Наши проводники дружно выпивали бутылку на троих для

хорошего настроения, мы с Диком цедили растворимый кофе из термоса. Я бы без уговоров присоединился к проводникам, но было почему-то неловко перед Диком: он в таком случае оставался в одиночестве, наедине с коричневой тёплой бурдой. А водку пить он отказывался, мотивируя это своё категорическое нежелание тем, что от алкоголя, мол, непременно разразится горная болезнь. Дядя Жора, на практике изучивший действие спирта в горных условиях, смущённо улыбался вопиющему заблуждению ближнего, а Абдильда, выпивая с удовольствием, в спор не вступал: болезнь так болезнь, разразится так разразится.

Поближе к вечеру, но ещё перед сумерками Абдильда выпрямился в седле и сделался деятелен и строг.

– Тут спать будем, – объявил Абдильда, – а завтра пораньше пойдём в щель, вон туда, будем там сидеть. Марко Поло придёт.

Излагая план охоты на Марко Поло, Абдильда даже не взглянул на нашего егеря. Другой бы, может, и обиделся, стал шуметь и качать права: я, мол, егерь, а ты, Абдильда, кто такой? чего командуешь? – но дядя Жора даже не взглянул на захватчика охотничьей власти. Скинув заплечный мешочек, он послушно опустился на камни и вытянул уставшие ноги, а потом стащил с головы шапчонку и вытер ею мокрый лоб. И Витька спешился и снял с лошади хурджуны.

– Огонь разводи! – указал Абдильда. – Ставь палатку!

Палатка предназначалась для нас с Диком – изнеженных детей западного мира. Абдильда намеревался противостоять ночной стуже с помощью барсового тулупа, а Витька, похоже, всецело полагался на благоприятные обстоятельства: отсутствие дождя и ветра. Такое отношение к жизни, несомненно, облегчит моему будущему согражданину существование в израильских краях – не таких дождливых и ветреных, но зато густо прошитых пулями и начинённых взрывчаткой.

Жарко ли, холодно – к рассвету иззябли все, включая собачку

дяди Жоры.

Урочище, упомянутое накануне Абдильдой, рассекало земную твердь по ломаной прямой и круто уходило вверх, к снежным полям Хан-Тенгри. Один склон урочища порос густым арчатником, другой, обрывистый, был завален каменными глыбами величиной с одноэтажный коттедж. Несомненная первозданность здешнего мира внушала уверенность в том, что мы здесь совершенно одни, никого нет кругом на добрый день пути и что Марко Поло обязательно появится, и даже не один, а в компании со снежным человеком, проживающим тут рядом.

Приставив ко лбу дощечку ладони со свисающей с запястья камчой, Абдильда озабоченно оглядел окрестности с седла и, как будто, остался удовлетворён. Он был похож, в своём барсовом тулупе и лисьем малахае, на знаменитого монгольского полководца Субудай-багатура перед решающим сражением с русичами; хотелось с открытой душой во всём его слушаться и повиноваться – хотя бы ради сохранения жизни. А Дика, наверняка, более всего тянуло сейчас сфотографироваться на память с барсовым Абдильдой, но ему не доставало решимости попросить нашего командующего об этом одолжении.

– Вы сидите в кустах, вон там, – распорядился Абдильда. – Не курить, не шуметь. Марко Поло будет спускаться в щель с той стороны, по камням. Когда он дойдёт до середины обрыва, стреляйте.

Отдав распоряжения, Абдильда тронул коня. Витька на своей кобылке поехал за ним. А мы с дядей Жорой, спотыкаясь, потащились вниз по склону к указанным нам кустам и, опустившись на землю, пропали в них, как в зелёной воде.

– И долго нам тут сидеть? – кое как обустроившись, спросил Дик.

– Ну, как... – призадумался дядя Жора. – Часа три просидим, четыре.

Сидеть три-четыре часа в засаде, на охоте – дело рутинное; бывает и хуже. Так, во всяком случае, набросал мазками наше положение Дик, вспоминая о похожей ситуации, сложившейся как-то на Новой Гвинее, в джунглях: там охотники, притаившись, ждали семнадцать часов кряду какого-то чепрачного кабана, да так и не дождались.

– Придёт Марко Поло, – успокаивал нас дядя Жора, – куда денется. Абдильда его подгонит поближе, а потом уже я возьмусь за дело.

Участие дяди Жоры в деле, в решающей его фазе, не обрадовало Дика: лучше б барсовый Абдильда сам управлялся. Но дядя Жора был настроен деятельно и немного торжественно, как русский человек перед баней. В таком состоянии он, пожалуй, и на волка бы набросился с бреднем.

– Ты выпил, дядя Жора? – вздохнув, спросил Дик.

– Я? – непонятливо переспросил дядя Жора. – Чего-чего?

– Ну, принял уже? – уточнил я, – Или ещё не успел?

– Ни-ни! – дядя Жора протестующе повёл тонким пальцем перед своим искалеченным носом. – Абдильда не налил.

За разговорами ожидание шло почти незаметно, время не тянулось по урочищу, а ровно бежало иноходью, поводя красивыми боками. Дик уложил свою двустволку на колени и то и дело поглаживал её и хлопывал, как девушку или близкое домашнее животное.

– Наша жизнь – что? – говорил и рассуждал между тем дядя Жора.

– Ну, что? – поторопил события Дик.

– Привычка! – сказал дядя Жора. – И больше ничего.

– Ну, почему же! – оглядывая сквозь прорехи куста противоположный склон, возразил Дик. – Вот, например, смотреть телевизор – это привычка, да. Или даже курить.

– А пить – нет, – вставил я и взглянул на дядю Жору. – Пить это удовольствие, оно никак не может стать привычкой.

– Я шире беру! – взмахнул руками дядя Жора. – Вот раньше ведь убивали по собственному усмотрению? Убивали! И никому даже в голову не приходило, что это не годится. А почему? Потому что привыкли.

– Что ж, это верно, – согласился Дик. – Это ты подметил интересно.

– Ну вот, – продолжал дядя Жора. – И потом подумали: так нельзя, в этом деле надо навести общий порядок. Старая привычка околела, новая родилась на свет: нельзя убивать. И мы все теперь к этому привыкли, по-другому никто даже не думает.

– Ну да, – возразил я, – а то сегодня никто друг друга не убивает. Ты вон радио послушай! Того застрелили, этого зарезали...

– Это потому что всегда кто-нибудь думает против правил, – объяснил дядя Жора. – Когда убить было всё равно, что раз плюнуть, тоже всегда находился какой-нибудь чудак, вроде белой вороны, и не убивал. Не убивал, и всё!

– И это был инакомыслящий, – пробормотал я в сторону. – Допотопный диссидент. – Как видно, Абдильда всё же плеснул дяде Жоре в стакан, пожалел-таки человека. Иначе с чего бы пропивший ружьё егерь полез в такие рассуждения?

– Да, диссидент, – расслышал меня дядя Жора. – Можно и так сказать. Ну, как академик Сахаров, что ли.

Если б я мог, я бы с облегчением не поверил своим ушам: иссыкульский алкаш знает имя Сахарова, знает само это слово – «диссидент»... Это невозможно, потому что это просто невозможно! Дик тоже разинул рот и глядел на нашего егеря с большим изумлением. Так, наверно, он уставился бы на какого-нибудь папуасского людоеда, пустившегося в рассуждения о вкусовых

качествах кетчупа.

– А вот я всё хотел спросить насчёт этих песен, – сказал Дик.

– Про быка, про князя...

Дядя Жора молчал – то ли не понял, куда клонит Дик, то ли не хотел почему-то отвечать.

– Откуда ты их знаешь? – напрямик спросил я. – Ну, арии, арии!

– А, это... – фальшивым голосом сказал дядя Жора и сощурил глаза под надвинутой на лоб шапчонкой. – Да я раньше в музыкальной школе работал, в Токмаке, вёл класс сольфеджио.

Токмак городок небольшой, одноэтажный, не знаменитый ничем. По наши времена сохранилась там районная библиотека и краеведческий музей – бастионы местной интеллигенции, а сельхозтехникум и музыкальную школу закрыли вскоре после получения Киргизией независимости, из-за недостатка средств. Казённое оборудование растащили, преподаватели разбрелись по Великому Шёлковому Пути кто куда, в поисках прокорма.

Специалисты по сахарной свёкле и джугаре прибились к зелёным берегам чуйских полей, а постановщик музыкальных голосов дядя Жора так и не нашёл себе применения: киргизам было не до пения, а кто, вопреки трудным обстоятельствам жизни, упрямо желал распевать песни, легко обходился без преподавателя сольфеджио. Промаявшись с полгода без работы, дядя Жора пошёл в поводу у душевной русской традиции: запил горькую. Верных товарищей в этом приятном деле всегда в избытке, и дядя Жора не скучал в одиночестве, наедине со стаканом. Вещички стали исчезать из дома, словно унесённые ветром. За выходным костюмом хозяина пришла очередь беличьей шубки жены, а там и кастрюльки со сковородками потянулись с кухни в обмен на утреннее пиво: стеснённое до хрипа финансовое положение очень способствует возрождению опробованного веками натурального обмена.

Отчаявшись переломить ход судьбы, жена побросала в чемодан

остатки былого достояния и уехала в Россию, к тётке, под Саратов. Девятилетнего сына она увезла с собой. Женщина вела себя безупречно, давняя проржавевшая любовь барахталась в её сердце: до последнего дня она уговаривала и убеждала дядю Жору ехать вместе с ней под Саратов и начинать там, под покровительством тётки, новую жизнь. Но, отведав хмельной свободы, дядя Жора и не думал возвращаться из милых азиатских краёв на историческую родину; здесь ему было привычно. После отъезда жены с сыном как-то сама собой отпала нужда в доме с огородом, на тихой улице. Дом был продан и пропит, дядя Жора перебрался на житьё к товарищам, в заброшенную кибитку. Надо сказать, что изрядную часть денег, вырученных от продажи недвижимости, дядя Жора намеревался переправить жене. Он и на почту ходил, и узнавал, можно ли оформить денежный перевод – но потом выяснилось, что при переезде в кибитку адрес саратовской тётки потерялся безвозвратно. Оставалось лишь ждать вестей от уехавшей жены, а деньги жгли карман нестерпимо, да и вести с саратовщины, как на зло, никакие не приходили: жене было не до писем, или любовь обессилела, перестала барахтаться и камнем пошла ко дну.

На исходе первого года вольной жизни дядя Жора загремел в тюрьму. Повод был дурацкий: случилось хулиганство, случилась драка с применением разнообразных подручных средств. Обливающегося кровью дядю Жору доставили в участок, оттуда в суд и там, ни на шаг не отступая от демократической процедуры, впаяли ему полтора года отсидки. За колючкой он вспомнил, наконец-то, профессию: в хоровом кружке блатари и разбойники под его руководством распевали дроздами и соловьями. И через полсрока, за хорошее поведение и культурный вклад, дядя Жора был выпровожен на свободу.

Идти ему было некуда, жить негде: товарищи, не внесшие культурный вклад, досиживали срок, а кибитку предприимчивые бедовые люди приспособили под торговую палатку, открытую круглые сутки. Таким образом дядя Жора превратился в гражданина без определённого места жительства, иначе говоря, в

бомжа. После тюремного музыкального кружка новый статус пришёлся ему не по душе. Пробомжевав зиму и весну, отощавший и одичавший, он по Чуйской долине, по Великому Шёлковому Пути двинулся пешком на Иссык-Куль – там, в курортных приозёрных местах, светила надежда прокормиться и отогреться душой.

Поздней осенью, перед снегом, когда обитатели иссык-кульских берегов готовятся к зимней спячке в окружении припасённых впрок банок с домашними соленьями и вареньями, дядя Жора определился за койку в общежитии и одноразовое утреннее питание в местное охотничье хозяйство – мыть полы, сторожить, топить печку. Хозяйство дышало на ладан: правительственные чиновники благородной охоте с беркутами предпочитали теперь ловлю рыбки в мутной воде, а рядовое население, ни у кого не спросясь, ловило себе заповедное зверье, будь оно занесено хоть в Красную книгу, хоть в Золотую – на шкуру или в котёл. Книжка платных лицензий на отстрел диких животных лежала в сейфе без движения, резиновая круглая печать засохла и не годилась никуда. К лету охотничье хозяйство приватизировал владелец трёх десятков прибрежных ларьков и прогулочного катера «Звезда Иссык-Куля» г-н Конурбаев. В контору наняли полойкой красивую девушку, а дядю Жору повысили и перевели в егеря. Теперь его судьба, как и судьба самого предприятия, зависела от иностранных туристов: приедут или не приедут поглядеть на жемчужину Центральной Азии, а если приедут, пожелают ли подстрелить осторожного улара, сердитого снежного барса или дурака Марко Поло.

Туристы иногда приезжали, и дядя Жора, с его лёгким характером, не отягачал себя заботами о завтрашнем дне и жил на чистом воздухе, на лоне дикой природы, в своё удовольствие.

– Жена-то нашлась? – спросил я, когда дядя Жора закончил рассказывать и сидел мешком, с полуулыбкой на просветлевшем лице. – Письмо прислала?

– А куда она прийдёт-то, – сказал дядя Жора и беспечально махнул рукой. – На деревню дедушке?

Дик сосредоточенно молчал, даже ружьё своё оставил в покое. История дяди Жоры разбередила что-то в его душе, и вопросы клубились в ней, как птичья стая.

– Ну, хорошо... – сказал Дик. – Вот вы, всё-таки, культурный человек, музыкант. И вдруг ваша жизнь меняется в худшую сторону: вы теряете работу, ничего не зарабатываете, становитесь бродягой. Вас сажают в тюрьму. Кто-то во всём этом виноват. Кто?

– Да никто, – сказал дядя Жора. – Мне хорошо, я никого не виню.

– Не может этого быть! – с напором продолжал Дик. – Ну, подумайте! Вы каждый день ходили в свою музыкальную школу, у вас была семья, дом. Вы всё потеряли, хотя не сделали ни одной ошибки. Может, Горбачёв во всём виноват? Вы сердитесь на него, злитесь? Но он великий человек, он разрушил империю зла. А вы ни за что, ни про что оказались под развалинами. Как же так?

– Да как... – нахохлился дядя Жора. – Вода-то течёт, а мы на берегу сидим. Кому повезёт, форель вытащит, а другой ничего не поймает, останется голодным. Но воде-то это всё равно!

– А Бог? – спросил Дик у дядя Жоры.

– Ну, Бог! – легко, как о соседе за забором, сказал дядя Жора. – Вот уж мы и до Бога дотянулись. Ну, ладно, живы будем – поговорим вечером, если хотите... Абдильда знак подаёт, надо идти.

До нас долетел с ветром далёкий прерывистый свист Абдильды. Дядя Жора поднялся на ноги и, взяв вправо, бегом пересёк расщелину. Собачка потрусилась было за ним, а потом вернулась с полпути и улеглась под нашим кустом.

– Удивительный человек, – сказал Дик, глядя вслед исчезнувшему среди скал противоположного склона егерю. –Какая судьба, какая плата за свободу! Стоило сюда ехать, даже если не получится

убить Марко Поло. – Выглянув в прореху между ветвями, он тщательно приладил к плечу ружейный приклад.

Марко Поло появился минут через двадцать – крупный старый то ли баран, то ли козёл, но, скорее, всё-таки, баран. Зверь тряс головой с тяжёлыми рогами, бока его, покрытые пятнами пота, ходили. Постояв недолго на самой кромке обрыва, он сделал первый разведочный шаг и стал спускаться. И немедля на том самом каменном пятачке, где только что стоял и примеривался к спуску Марко Поло, возник дядя Жора. Егерь размахивал руками, бил в ладоши и свирепо что-то кричал. Баран, вслушиваясь, застыл на миг, и дядя Жора бросился вниз, прыгнул в своём нелепом жёлтом плаще, как будто хотел схватить Марко Поло, облапить его и вывести на верный выстрел Дика.

Дик выстрелил из одного ствола, потом из другого – почти одновременно. Дядя Жора в последний раз широко взмахнул руками на ходу, а потом, сорвавшись, покатился по камням. Неподвижная туша Марко Поло остановила его. Так они и остались лежать на каменной полке, над обрывом – один поверх другого.

С Иссык-Куля мы возвращались вместе с Диком, в одной машине. В багажнике, завёрнутая в мешковину, помещалась просоленная голова Марко Поло, над которой ещё предстояло поработать чучельнику.

На выезде из Чолпон-Ата, у памятной арки, Дик попросил водителя остановиться. Моросил дождь. Косо уперев ноги в землю, арка надменно глядела на зеленоватую воду озера.

– В конце концов, это всё вопрос везенья, – пробормотал Дик. – Я ведь мог убить его из верхнего ствола, а так он отделался синяками. Полежит в больнице и выйдет...

– Ещё неизвестно, кому больше повезло, – сказал я, – ему или вам. Убить дядю Жору – это, всё же, совсем не то, что убить Марко Поло. Могли бы и посадить...

– А помните, как он сказал, – покачал головой Дик: – «Вода

течёт, а мы сидим на берегу. Одному достаётся форель, другому ничего не достаётся».

– Вы забыли самое главное, – дополнил я: – «Воде-то это всё равно».

Давид МАРКИШ. Некаýалар